

<https://www.theartsdesk.com/classical-music/dmitri-hvorostovsky-ivari-ilja-barbican-hall>

the **arts** desk.com *best specialist journalism website*

Dmitri Hvorostovsky, Ivari Ilja, Barbican Hall

The Siberian baritone's ineffable phrasing is a wonder - but what then?

by [David Nice](#) Saturday, 22 October 2011

Hvorostovsky: Guarnerius cello among baritones - but is there more?

Tchaikovsky songs, the most obvious missing link in Olga Borodina's all-Russian programme a couple of Fridays back, formed a spare but unforgettable apex to this second recital in the Barbican's Great Performers series. That in itself, and unusual repertoire - Sviridov the other week, Tchaikovsky's rigorous protégé Taneyev last night - gave the sense of a mini-festival in two concerts.

Not forgetting the fact that after Borodina, Amati viola among mezzos, came Hovorostovsky, Guarnerius cello of baritones.

The famous long-breathed, burnished lines, the equal of a cellist with unobtrusive bow changes, were at work in the very first song

Which was almost as far as it went for three-quarters of this much less inflected and coloured star appearance. The famous long-breathed, burnished lines, the equal of a cellist with unobtrusive bow changes, were at work in the very first song, Fauré's "Automne", but had you approached it blindfold and not knowing the *mélodie*, you'd have guessed that Hovorostovsky had opted, unlike Borodina, for Russian gloom from the start - until, that is, the word "*jeunesse*" finally emerged out of the murk. "Sylvie" needed a lightening, a smile, but Hovorostovsky doesn't really do either, and though in one sense sure and handsome on the platform, he doesn't know what to do with his hands: they come to rest uneasily on the piano or semaphore different emotions from what we're hearing.

Still, the legato is enough to hold the attention of listeners other than the devoted Russian ladies of all ages in the audience; the majority, who needed no persuading, flashed their cameras until eventually asked not to, and - as in the Borodina recital - applauded prematurely after every song, often before pianist Ivori Ilja had wrought any one of his well-differentiated rounding-offs. The best of those came in Taneyev's "Stalactites" - bad lyrics, like the rest of this composer's choices, you've guessed the analogy with frozen love-tears, but a subject that at least allows the mesh of piano's frozen droplets and baritone's arching phrases.

Tchaikovsky's killer song is an epitaph as deadly as the finale of the Sixth Symphony: 'Again, as before, alone'

If the vocal variety had been greater, this would have been another perfect programme. The second half began with the unfurling of the longest lines and infinitely held notes in Liszt's "Oh! Quand je dors" and two of the Petrarch Sonnets (today, by the way, is the exact 200th anniversary of Liszt's birth). Then it headed for the often desolate simplicity of Tchaikovsky's Six Last Songs of 1893, as we might call them - as involved with grief and nostalgia as Strauss's four are with bringing down a rosier curtain on love and life. Hovorostovsky rightly went for the simplicity of the line of "We sat together", the almost desperate ardour of "Amid sombre days" and - the killer - an epitaph as deadly as the finale of the Sixth Symphony: "Again, as before, alone".

We now know that for the composer, in his final year, depression and a sense of having conquered the demons were still battling it out before his untimely, never-to-be-clarified death. But this does seem like suicide time, and it was done with such a focused sense of barely contained anguish that the instant encore, the Neapolitan ersatz emotion of "Passione", felt like an insult: certainly one severe Russian woman took it as such, fleeing the hall when she heard a grinning Hovorostovsky make the announcement (this turns out to be my own wishful thinking - see below). Rachmaninov's "In the mysterious silence of the night" was more like it - less of the essence than the Tchaikovsky, but allowing Hovorostovsky to end on one of his long-held money

notes. A tad narcissistic? Certainly, but when you look and sound like that, how could it be otherwise?

Дмитрий Хворостовский, Ивари Илия, Барбикан -холл

Непередаваемая фразировка сибирского баритона - это чудо, но что дальше?

Дэвид Найс Суббота, 22 октября 2011

Хворостовский: Виолончель Гварнери среди баритонов - но что ещё?

Романсы Чайковского, наиболее очевидное недостающее звено в русской программе Ольги Бородиной пару недель назад, стали дополнительным, но незабываемым завершением этого второго концерта из серии Барбикана "Великие исполнители". Что само по себе, а также необычный репертуар - Свиридов на прошлой неделе, строгий последователь Чайковского Танеев вчера вечером - создали ощущение мини-фестиваля в двух концертах.

И после Бородиной, альты Амати среди меццо, был Хворостовский, виолончель Гварнери среди баритонов.

Знаменитые отточенные линии на одном дыхании, не уступающие виолончелисту с незаметными движениями смычка, прозвучали в самой первом романсе

Так оно и было три четверти этого гораздо менее выразительного и яркого выступления звезды. Знаменитые отточенные линии на одном дыхании, не уступающие виолончелисту с незаметными движениями смычка, прозвучали в самой первом романсе, «Automne» Форе, но если бы вы услышали это с закрытыми глазами и не зная мелодии, вы бы подумали, что Хворостовский, в отличие от Бородиной, с самого начала выбрал русскую депрессию – пока слово "jeunesse"(молодость – фр.), наконец, не появилось из мрака. "Sylvie" нужно было осветить, улыбнуться, но Хворостовский не делает ни того, ни другого, и хотя в каком-то смысле он уверен и красив на сцене, он не знает, что делать со своими руками: они беспокойно ложатся на рояль или говорят о других эмоциях, отличных от тех, что мы слышим.

Однако легато достаточно для удержания внимания слушателей, кроме преданных русских дам всех возрастов в зале; большинство которых, не поддаваясь требованиям, щёлкали своими фотоаппаратами, пока их в конце концов не попросили этого не делать, и - как и на концерте Бородиной - аплодировали до окончания каждого романса, часто до того, как пианист Ивари Илия успевал сыграть свои хорошо рассчитанные заключительные аккорды. Лучшие из них прозвучали в "Сталактитах" Танеева - плохой текст, как и в остальных произведениях этого композитора, напрашивается аналогия с застывшими слезами любви, но предмет, по крайней мере, позволяет соединить застывшие капли фортепиано и закруглённые фразы баритона.

"Снова, как прежде, один"- мучительный романс Чайковского - это эпитафия, столь же роковая, как финал Шестой симфонии

Если бы вокального разнообразия было больше, это была бы ещё одна идеальная программа. Вторая половина началась с разворачивания самых длинных фраз и бесконечно удерживаемых нот в "Oh! Quand je dors" Листа и двух сонетах Петрарки (сегодня, кстати, 200 лет со дня рождения Листа). Затем он перешёл к часто унылой простоте шести последних песен Чайковского 1893 года, как мы могли бы их назвать, - столь же наполненных печалью и ностальгией, как четыре Штрауса –

опускающих более светлый занавес над любовью и жизнью. Хворостовский верно выбрал простоту строки "Мы сидели вдвоём", почти безысходный порыв "Средь мрачных дней" и – мучительный романс - эпитафию, роковую, как финал Шестой симфонии: "Снова, как прежде, один".

Теперь мы знаем, что в последний год жизни композитора депрессия и чувство победы над демонами всё ещё боролись между собой перед его безвременной, так и оставшейся таинственной смертью. Но это действительно похоже на самоубийство, совершённое с таким сосредоточенным чувством едва сдерживаемых страданий, что стремительный выход на бис с неаполитанским эмоциональным суррогатом "Passione", воспринимался как оскорбление: одна суровая русская женщина поняла это именно так, выбежав из зала, когда услышала, как усмехающийся Хворостовский объявил (кажется, я выдаю желаемое за действительное - смотрите ниже). «В молчании ночи тайной» Рахманинова было больше похоже на это - менее содержательно, чем у Чайковского, но позволяло Хворостовскому закончить одним из его давних коронных номеров. Немного самовлюбленный? Конечно, но когда ты так выглядишь и звучишь, разве может быть иначе?

Перевод с английского Н.Тимофеева